

На правах рукописи

Колчанова Юлия Сергеевна

**ИНЖЕНЕРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
Г. ПЕРМЬ: СТРУКТУРА ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ В 1930-Е ГОДЫ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2019

Работа выполнена на кафедре культурологии и философии
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Пермский государственный институт культуры»

Научный руководитель:

Лейбович Олег Леонидович,
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Зубкова Елена Юрьевна,
доктор исторических наук,
руководитель Центра
социальной истории России
ФГБУН «Институт российской истории
Российской академии наук»

Орлов Игорь Борисович,
доктор исторических наук, профессор,
заместитель руководителя департамента
политики и управления ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский
университет)»

Защита состоится «26» декабря 2019 г. в 11.00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций
при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии
наук» (620026, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1001).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт истории и
археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620026, г. Екатеринбург,
ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата размещен на официальном
сайте Института истории и археологии УрО РАН по адресу:
<http://www.ihist.uran.ru/diss/info/>

Автореферат разослан « » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
д-р ист. наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность. Советский Союз в 1930–1950-е годы, по оценкам большинства историков, представлял собой модернизирующееся общество. Главным содержанием эпохи были явления и процессы, обусловленные форсированной индустриализацией, характер и облик которой задавал тон всему предвоенному десятилетию. Среди участников индустриализации значительную роль играли советские инженеры, пришедшие на смену старой технической интеллигенции. В современной историографии сложилась определенная традиция изучения этой социальной группы. Инженеров исследовали в контексте социально-экономических макропроцессов. Их описывали преимущественно в институциональном ключе: в терминах социально-классовой теории, концепции модернизации, формационного перехода и т.д.

Современное гуманитарное знание позволяет сместить фокус исследования на личностные характеристики, проявления субъектности во всем многообразии практик советского человека. Эти практики были не только продуктом коллективного и заданного опыта, но и индивидуальной биографии, конструирования собственного «Я», сложного процесса рецепции прошлых культур в ситуации творения нового социального мира.

Перемещение исследовательского фокуса предполагает выбор соответствующей объяснительной концепции и исследовательских методик. В данном случае – концепции жизненного мира и микроисторического подхода с присущим ему инструментариумом: скрупулезный поиск и «разглядывание под микроскопом» отдельных деталей, реконструкция утраченных смыслов обыденных слов и поступков, ментальных стереотипов, проявления рефлексии и эмоций, вместе образующих уникальные жизненные миры людей определенной эпохи. Эвристические возможности такого подхода позволяют увидеть субъективную сторону исторического процесса, придать процессу индустриализации человеческое измерение, показать богатую палитру практик и ментальных особенностей, формировавших социокультурный контекст советской действительности.

Актуальность исследования жизненных миров советских инженеров эпохи индустриализации обусловлена, прежде всего, антропологическим поворотом в современном гуманитарном знании, что предполагает взгляд на историю глазами ее творцов, «разносчиков», свидетелей, потребителей.

В диссертационном исследовании речь идет об инженерах первого советского поколения. Вместе с другими участниками большого социалистического проекта – «ответственными работниками», совслужащими, рабочими, колхозниками, т. н. «уголовным элементом» и лагерным населением, они строили «дивный новый мир» (О. Хаксли) с особой системой ценностей, рассогласованным набором норм и правил, с разветвленной системой символов и множеством практик.

Категориально-понятийный аппарат концепции жизненного мира далеко не в полной мере адаптирован для нужд исторических исследований

советской эпохи. Поэтому диссертационное исследование жизненных миров советских инженеров рассматривается автором как продуктивный эксперимент, открывающий перспективы для дальнейших научных поисков в области советской истории.

Объектом изучения являются жизненные миры первого поколения советских инженеров оборонных предприятий г. Пермь в 1930-е годы.

То, что в качестве объекта избраны жизненные миры инженеров, занятых на предприятиях оборонной промышленности, обусловлено моделью социалистической индустриализации, в которой приоритетное место занимал именно военно-промышленный комплекс.

Предмет исследования – генезис и структура жизненных миров первого поколения советских инженеров, способ проявления этих структур в их речевых, трудовых и потребительских практиках.

Хронологические рамки диссертации обусловлены возрастом первого поколения советских инженеров, типичная биография которых начинается на рубеже XIX–XX веков. Поэтому в качестве нижней хронологической границы исследования целесообразно избрать первое десятилетие XX века, в котором разворачивалась их первичная социализация. Верхней хронологической границей исследования при этом становятся 1930-е годы, когда первое поколение советских инженеров сменяет генерацию так называемых «буржуазных специалистов» и формирует свои собственные жизненные миры.

Территориальные рамки исследования – г. Пермь в административных границах 1938 года.

Степень изученности темы. Тема становления советского инженерного корпуса в годы первых пятилеток уже несколько десятилетий разрабатывается отечественной и зарубежной исторической наукой в нескольких исследовательских перспективах. Заранее оговоримся: принципом построения историографического обзора в данной работе избран не хронологический, а проблемно-тематический принцип, как наиболее полно отражающий цели и задачи исследования¹. Исходя из него, в диссертации выделяются два основных тематических направления историографии: институциональное и стратификационное. Институциональный подход к изучению истории индустриализации акцентирует внимание на функции партийных органов, государственных учреждений, промышленных предприятий. В соответствии с ним деятельность инженеров рассматривается в контексте исполнения партийных директив и производственных планов. В рамках стратификационного подхода советский инженерный корпус изучается как особая социальная группа в структуре советского общества. Оба этих подхода опираются на концепцию модернизации, позволяющую поставить вопрос о роли инженерного корпуса в процессе масштабной социальной трансформации.

¹ О содержании данного подхода см.: Камынин. В.Д. «Проблемная историография» в 1990-е – первые годы XXI века: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, Каменный пояс, 2006.

Тема советской модернизации в настоящее время остается одной из самых обсуждаемых в современной исторической литературе. Прежде всего, речь идет как об общих вопросах советской модернизации, так и об индустриальной ее составляющей². Первоначально в отечественной историографии модернизация была представлена в рамках формационной теории. Рецепция западной теории модернизации началась в отечественной историографии в 1990-е годы³.

Дискуссия о советской модернизации не может считаться завершенной, продолжают дебаты об ее природе, характере, возможных перспективах. Ставится под сомнение само применение этого концепта к советской истории⁴. Сторонники относимости концепта модернизации к изучению советской истории делают акцент на секуляризации общественного сознания, выстраивании современной системы образования, управляемых урбанизационных процессах и индустриализации народного хозяйства. В рамках такого подхода инженеры предстают в качестве агентов универсального процесса формирования современного индустриального общества.

Обратимся к институциональному подходу, для которого характерен преимущественный интерес к участию советских инженеров в процессе создания новой социалистической промышленности⁵.

Институциональный подход рассматривает народное хозяйство как целостную социальную систему, состоящую из множества институтов с присущими им функциями. Практическая роль технических специалистов в формировании нового общества заключалась в их активном участии в научно-техническом прогрессе. В литературе, посвященной изучению этой темы, особое внимание уделялось следующим вопросам: участию инженеров в разработке технических проектов и в социалистическом соревновании, роли инженеров в организации труда на производстве. Среди работ, выполненных в этой исследовательской парадигме, следует назвать, прежде всего, труды В.И. Астаховой, С.А. Федюкина и др.⁶. Содержание институционального подхода ярче всего выражено в работе В.И. Астаховой,

² См.: Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Побережников И.В. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. О роли оборонной промышленности в советской индустриализации см.: Davies R.W. The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 3: The Soviet Economy in Turmoil 1929–1930. Cambridge, 1989; Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001.

³ См.: Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (в прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996.

⁴ См.: Споря о модерности // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 16–91.

⁵ Историографический обзор советских исследований по данной теме см.: Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987; Соскин В.Л. Интеллигенция советской России (1917 – конец 1930-х гг.): историографический аспект // Интеллигенция. Общество. Власть. Новосибирск, 1995. С. 5–33.

⁶ См.: Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков, 1976; Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965.

подчеркнувшей исключительное значение интеллигенции для советского общества⁷.

В 1970–1980-е годы в западной исторической литературе сложилась «ревизионистская» школа. Принадлежащие к ней историки использовали разработанный для изучения истории Запада исследовательский инструментарий к истории СССР. Они уделяли особое внимание социальной проблематике – статусу тех или иных групп в советском обществе, конфликту интересов, формированию и функционированию современных (модернистских) социальных институтов⁸. Эти идеи «ревизионистов» были признаны их противниками⁹. Тема советских инженеров углубленно разрабатывалась в работах С. Шаттенберг. Она подчеркивала преемственность в культуре инженерного корпуса в досоветское и советское время, указывала на высокий уровень лояльности по отношению к власти у инженеров новой формации. При этом она обращалась, прежде всего, к эго-документам, главным образом, к мемуарам инженеров. Одновременно она предъявляла официальный дискурс, касающийся советской инженерии: речи, газетные статьи, очерки. Инженеры в изображении С. Шаттенберг, предстают конформистской группой, разделявшей вместе с властью технократические в своей основе идеи примата индустриализма для создания нового общества¹⁰.

В литературе, представляющей стратификационный подход, рассматривались вопросы генезиса советской технической интеллигенции как особой социальной группы, отличной от интеллигенции, существовавшей, как на Западе, так и в дореволюционной России.

С точки зрения власти в лице И.В. Сталина, достижением социальной динамики было перерождение «старой заскорузлой» интеллигенции в новую «трудовую», включающую научно-технических работников, «работников культурного фронта» и «служащих вообще»¹¹.

Окончательный вывод о социальном статусе интеллигенции И.В. Сталин объявил весной 1939 года в докладе ЦК на XVIII съезде ВКП(б). Он объявил интеллигенцию важной социальной группой в структуре советского общества, и осудил недоверчивое и презрительное отношение к ней. Власть в лице секретаря ЦК охарактеризовала советскую интеллигенцию «народной, социалистической», отличной своим генезисом, составом и «физиономией» от старой, буржуазной интеллигенции¹².

⁷ Астахова В.И. Советская интеллигенция и ее роль... С. 3.

⁸ См.: Cohen S. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. New York, 1985; Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge; New York, 1979 и др.

⁹ См.: Баберовски Й. Красный Террор. М., 2007.

¹⁰ См.: Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011.

¹¹ Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин. И.В. Сочинения. Т.14. М., 1997. С. 123–124.

¹² См.: Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 338.

Признание советской интеллигенции значимой социальной группой – социалистической по своей природе и положению в советском обществе, можно расценивать как важный сдвиг в политической культуре руководящей группы. В агитационных брошюрах, изданных после XVIII партийного съезда, этот тезис И.В. Сталина был представлен партийной общественности¹³.

В 1930–1950-е годы инженерно-технические работники не выделялись в литературе как особый отряд советской интеллигенции. Объектом научных исследований техническая интеллигенция становится в 1960–80-е годы. В литературе этого периода статус «советской народной интеллигенции» был определен в соответствии с задачами коммунистического строительства¹⁴. В новом определении советская интеллигенция уже не обозначается как «прослойка». Она представлена как «социальный слой» – синонимически определению социальной группы с собственной внутренней структурой и профессиональной спецификой.

По мнению советских историков, история формирования советской интеллигенции начинается с 1917 года¹⁵. В книге М.Е. Главацкого были выделены два этапа формирования «социалистической интеллигенции». На первом этапе, с 1917 по 1927 годы, «ведущими путями формирования кадров были выдвижение передовых рабочих на руководящую работу и привлечение к социалистическому строительству старой интеллигенции, получившей подготовку в дореволюционное время», а на втором этапе, с конца 1920-х годов до середины 1930-х годов, основными источниками рекрутирования технических специалистов были выдвиженчество и система активно развивающегося среднего и высшего образования.

В результате, по мнению М.Е. Главацкого, была создана новая техническая интеллигенция, которая «по социальным источникам формирования, мировоззрению и характеру деятельности теснейшим образом была связана с трудящимися»¹⁶.

О роли системы образования в процессе создания советского инженерного корпуса в 1930-е годы писал М.Г. Власов. Он сравнил статистические данные о количестве инженеров в стране в начале первой пятилетки и в конце 1930-х годов и, в результате, пришел к выводу о колоссальном количественном росте технических специалистов за 10 лет сталинской индустриализации¹⁷.

Одной из особенностей системы высшего образования в 1930-е годы была его доступность для выходцев из рабочих масс. Это в совокупности с

¹³ Вольфсон С. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме // Под знаменем марксизма. 1939. № 8. С. 16–38; Тандит Л. Партия Ленина-Сталина и социалистическая интеллигенция. М., 1939.

¹⁴ См.: Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917–1975). М., 1977. С. 6.

¹⁵ См.: Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928–1937 гг.). Л., 1975.

¹⁶ См.: Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале. Свердловск, 1974.

¹⁷ См.: Власов М.Г. Рождение советской интеллигенции. М., 1968.

другими условиями для социального роста способствовало формированию представления о престижности инженерной профессии. По мнению О.В. Крыштановской, советская власть изменила отношение к интеллигенции в связи с усложнением и обновлением ее социального состава за счет выходцев из рабочего класса¹⁸.

В современной российской историографии изучение социальной структуры советского общества разрабатывается в исследованиях Е.Ю. Зубковой, Н.Б. Лебиной, О.Ю. Никоновой, И.Б. Орлова, Г.А. Янковской и др.¹⁹.

Особой темой для социальных историков являются процессы, происходившие в рабочей среде. В русле исследований С. Коткина историки приступили к анализу событий на уровне отдельного предприятия, города, цеха, социальных микрогрупп (например, стахановцев, рабкоров и т.п.)²⁰. Вместе с тем, следует согласиться с мнением С.В. Журавлева о сохраняющейся тенденции отождествлять историю повседневности с историей быта²¹.

В процессе архивной революции социальная проблематика уступила место проблематике политической. В центре внимания оказалась репрессивная политика в отношении старого и нового инженерного корпуса. Были опубликованы документы процессов против старых специалистов – «шахтинское дело»; процесс «Промпартии», а также воспоминания жертв политических репрессий. Новый импульс получило биографическое направление²².

¹⁸ См.: Крыштановская О.В. Инженеры: Становление и развитие профессиональной группы. М., 1989.

¹⁹ См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Зубкова Е.Ю. Частная жизнь в советскую эпоху: историографическая реабилитация и перспективы изучения // Российская история. 2011. № 3; Иванова Г.М. На пороге государства «всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х гг.). М., 2011; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920-х – 1930-х годов. С.-П., 1999; Никонова О.Ю. Воспитание патриотов: Осовиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010; Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь, 2007.

²⁰ См.: Коткин С. Сталинизм как цивилизация // Уральский исторический вестник. 2011. № 1(30). С. 77–81; Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростановода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; Торстон С. Вежливость и власть на советских фабриках и заводах. Достоинство рабочих. 1935–1941 гг. // Российская повседневность. 1921–1941. Новые подходы. СПб., 1995; Фельдман М.А. Культурные ценности рабочих России в первые десятилетия XX века // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 111–124.

²¹ См.: Журавлев С.В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. Предисловие. М., 2010. С. 6.

²² Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. В 2 книгах. М., 2011; Книга 2. М., 2012. О шахтинском процессе см.: Кислицын С.А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д, 1993; Красильников С. Шахтинский процесс 1928 года: предварительное следствие в архивных документах // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. История. С. 59–66; Судебный процесс "Промпартии" 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Сборник документов. Кн.1. М., 2016; Кн. 2. М., 2017; Тепляков А.Г., Красильников С.А. «Экономическая контрреволюция»: как конкурировали два чекистских управления в 1930–1931 гг. СПб., 2016. № 9. С. 103–114; Тепляков А.Г. «Вредительские» процессы начала 1930-х гг. и работники ОГПУ: методы следствия, карьера и судьбы // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества. Новосибирск, 2015, С. 155–165; Маслова А.И. Суд по «Делу “Промпартии”» 1930 г.: источники

Возвращение к социальной тематике с привлечением новых материалов обнаруживается в исследованиях В.С. Терехова и Е.А. Осокиной. Так, В.С. Терехов детально реконструирует условия труда и быта советских инженеров 1930-х годов на предприятиях тяжелой промышленности Урала, их социальный и политический статус и приходит к выводу, что их социальная ситуация отличалась амбивалентностью²³. Е.А. Осокина отстаивает гипотезу, согласно которой различия в потреблении между рабочими и инженерами были незначительными²⁴. С ее точкой зрения солидарны авторы коллективной монографии, посвященной советской социальной политике²⁵. Наряду с обнаруженными исследователями процессами социальной эгалитаризации набирал силу и противоположный процесс – ранговой дифференциации, в том числе и в доступе к материальным благам, который тоже нуждается в анализе. И этот процесс касался не только верхов рабочего класса – стахановцев, бывших ударниками в потреблении, но и инженерно-технического персонала.

Подведем итоги. В историографии советского общества как отечественной, так и зарубежной, наблюдается поворот к изучению социальной истории новой технической интеллигенции: ее культуре – производственной, политической и бытовой, условиям труда и быта, социальному статусу и престижу. Указанная тенденция находит свое выражение в жизнеописаниях людей, проявивших себя в конструкторском деле, или в техническом администрировании. В исследования вовлекается широкий круг источников, первоначально не востребуемых: эго-документы различных видов, материалы архивно-следственных дел, судебных процессов, материалы внутрипартийного делопроизводства и пр. Апробируются разнообразные объяснительные концепции – от теории модернизации до теории повседневности²⁶. Современная историческая литература отмечает вариативность жизненных стратегий участников советской индустриализации. Эти достижения исторического знания позволяют сделать следующий исследовательский шаг: перейти к

возможности реконструкции подготовки и проведения // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества. Новосибирск, 2015. С. 265–270; Красильников С.А. «Вредительские» судебные политические процессы в СССР в контексте становления сталинского режима (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Сталинизм: Идеология и практика. Пермь, 2016. С. 38–53; «Свои дневники я рассматриваю как оценку рядового гражданина плененной России...»: Процесс «Промпартии» в дневнике инженера И. Я. Попова // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 42–73; 1998. № 3. С. 62–90; Хомяков А. Дела академика Стечкина и "Дело "Промпартии" // Новый мир. 2006. № 12. С. 129–138; Бодрихин Н.Г. Туполев. М., 2011; Лейбович О.Л. Охота на красного директора. Пермь, 2017; Павлова Н.Н. Репрессированная интеллигенция (1928–1934) // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг. М., 2010. С. 404–484; Дела и судьбы. Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-е – 30-е годы. Екатеринбург, 1993.

²³ Терехов В.С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.

²⁴ Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.

²⁵ См.: Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007.

²⁶ См.: Рябова Л.К. О методологических проблемах изучения новейшей истории и истории современности // Новейшая история России. 2011. № 1 (01).

реконструкции жизненных миров инженерно-технических работников как структурного элемента их повседневности.

Цель исследования – анализ жизненных миров советских инженеров первого поколения, выполненный на основе их конкретно-исторической реконструкции.

Достижение цели исследования реализуется в решении следующих **задач**:

1. Актуализировать эвристический потенциал для исторических исследований концепции жизненного мира; адаптировать понятийный аппарат концепции к целям и задачам исторического исследования.

2. Выявить круг аутентичных источников, необходимых для реконструкции жизненных миров советских инженеров первого поколения.

3. Изучить роль биографического фактора в формировании жизненных миров советских инженеров первого поколения.

4. Реконструировать типический образ советского инженера в литературе социалистического реализма.

5. Подвергнуть анализу структурные элементы жизненных миров советских инженеров первого поколения.

6. Дать характеристику роли крупного предприятия оборонной промышленности в жизненных мирах советских инженеров первого поколения.

7. Определить статус денег, материальных благ и досуговых практик в жизненных мирах инженеров первого поколения.

Источники. Основу диссертации составили публикации источников и материалы двух краевых архивов: Пермского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Пермского края.

В первую группу источников вошли директивные документы (выступления и доклады И.В. Сталина).

Ко второй группе источников относятся делопроизводственная документация партийных и государственных территориальных органов: материалы пермского и молотовского горкомов ВКП(б), стенограммы партийных активов, конференций и партийных собраний на оборонных собраниях гг. Перми и Молотово. К этой группе источников принадлежат приказы и распоряжения директоров заводов, отчеты предприятий в союзные наркоматы: Наркомат тяжелой промышленности (НКТП) и Наркомат оборонной промышленности (НКОП).

Главным источником является судебно-следственная документация, собранная в архивно-следственных делах фондов 641/1, 643/2 ПермГАСПИ. В делопроизводстве органов НКВД встречаются следующие документы: описи имущества арестованных инженеров; фрагменты частной переписки; письма-жалобы и письма-заявления арестованных инженеров в государственные инстанции; собственноручные записи (личные показания) инженеров для протоколов допроса, составляемые по требованию следователя, но не под его диктовку.

Третья группа источников представлена статистическими материалами, как опубликованными в соответствующих сборниках, так и извлеченных из фондов Государственного архива Пермского края²⁷.

В четвертую группу источников включены произведения художественной литературы, созданные в стиле социалистического реализма. Для исследования были выбраны сочинения советских писателей, одобренные партийной критикой и отмеченные на Первом съезде Союза советских писателей в августе 1934 года: Я. Ильина, В. Катаева, М. Шагинян, И. Эренбурга.

Пятую группу представляют источники личного происхождения. П.Ф. Никулин предложил их разделить «на спонтанные (то есть те, которые были созданы по внутренним побудительным мотивам автора) и спровоцированные (созданы в ответ на внешнее побуждение)»²⁸. К спонтанным следует отнести мемуары, записки и письма. В них содержится информация о биографиях советских инженеров, характеристика мотивации их поступков, об окружающей предметной среде, о коммуникативных практиках и пр. Представляется обоснованным высказанное А.А. Тихомировым суждение: «На основе данных источников невозможно изучить всю комплексность жизни личности в СССР. Тем не менее, благодаря таким историческим документам, как прошения, жалобы, заявления, в фокусе историка оказываются отдельные акты коммуникации, позволяющие понять риторику, эмоции и повседневный опыт личности в коммуникации с государством и партией»²⁹.

Комплекс привлеченных исторических источников разных видов, на наш взгляд, позволяет всесторонне и полно отразить генезис и содержание жизненных миров советских инженеров первого поколения.

Методология и методы. Основой для исследования являются две взаимодополняющие теории, имеющие статус междисциплинарных: концепция жизненного мира А. Щютца и концепция субъектности в интерпретации Н. Козловой, И. Халфина, О. Хархордина и Й. Хелльбека. В соответствии с концепцией субъектности формулируется идея конструирования особого советского «Я» по готовым эталонным биографическим схемам. В свою очередь концепция жизненного мира предполагает исследовать отношения, социальные практики в личностной перспективе. Необходимо изучать также материальные вещи, которые окружали советских инженеров, а, главным образом, те смыслы, которые они этим вещам придавали. Вместе с восприятием социального пространства и

²⁷ См.: 20 лет Советской власти. Статистический сборник (Цифровой материал для пропагандистов). М., 1937; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002; Ивонин Ю.Н., Гоголин Ю.А. Каталог облигаций внутренних займов СССР. М., 1990; Кадры тяжелой промышленности в цифрах. М., 1936; Мотовилихинские заводы 1930–1940-е гг. // www.archive.perm.ru/projects/weeklyphoto/motovilikha-plants-1930-1940-ies/ (дата обращения 11.07.2019).

²⁸ Никулин П.Ф. Теория и методика источниковедения в отечественной истории X – начала XX вв. [электронный ресурс] // URL: http://www.studmed.ru/view/nikulini-pf-teoriya-i-metodika-istochnikovedeniya-v-otechestvennoy-istorii-x-nachala-hh-vv_cd9073f7370.html (дата обращения: 26.06.2019).

²⁹ Тихомиров А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 141.

времени эти смыслы (и основанные на них практики) как раз и образуют жизненный мир, в котором реализует себя конкретный исторический субъект.

В рамках избранной методологии наиболее целесообразным представляется использование следующих методов исторического исследования: историко-генетический, биографический, метод уликовой парадигмы, охарактеризованный его автором К. Гинзбургом как применение индуктивных техник для исторического исследования³⁰.

Общей чертой вышеуказанных методов является следование следующим принципам: использование междисциплинарного подхода; индивидуация вместо генерализации; сжатие пространственно-временного континуума вместо расширения пространственно-временных рамок; внимание к уникальным биографическим обстоятельствам и к конкретно-историческим ситуациям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Жизненный мир советского инженера первого поколения являлся сложным социокультурным образованием, включавшим в себя образы действительности, представления о собственном социальном «Я», субъектное восприятие социального пространства – своего и чужого, смысловое наполнение коллективных и индивидуальных практик.

2. По своему культурному наполнению жизненные миры советских инженеров представляли собой комбинацию из языковых форм, принадлежащих властному дискурсу; самосознания, заимствованного из прошлого инженерной корпорации; трудовых ценностей, традиционных моральных норм и атрибутов зажиточной жизни. Отчетливо прослеживается значительное влияние опыта жизни в условиях социально-исторических катастроф: революции и гражданской войны в России.

3. В 1930-е годы наблюдаются первые этапы процесса формирования особого стиля поведения советского инженера. На жизненные миры советских инженеров определяющее воздействие оказывали процессы социализации в иных, в низовых, по преимуществу, слоях общества. Очень заметна социальная дистанция между начальным и конечным пунктом биографии советского инженера первого поколения.

4. В социальных практиках советских инженеров первого поколения наблюдаются сталкивающиеся тенденции: стремление к закреплению вновь обретенного высокого статуса – и в то же время желание подчеркнуть свою социальную связь с рабочим классом через внешнее опрощение – в одежде, в языке и манерах, в совместном выполнении партийных нагрузок и иных формах коллективных мероприятий.

5. В жизненном мире советского инженера первого поколения не сложилось четкого различия между приватным и публичным пространством.

³⁰ См.: Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями: произведена адаптация концепции жизненного мира, первоначально сформулированной в социологии культуры, для решения задач исторического исследования; произведена новая комплексная интерпретация источников, традиционно привлекаемых преимущественно для анализа репрессивной политики в СССР 1930-х годов, в них выявлена и подвергнута анализу биографическая информация, сведения о мировоззренческих установках, описание повседневных практик, смыслов обыденной предметной реальности; произведенный автором анализ структур жизненного мира расширяет научные представления об идентичности советского инженера первого поколения, о роли в жизненном мире завода, денег, вещей, о формах досуга и межличностных отношениях в пределах этого социального круга.

Практическая значимость исторического исследования жизненных миров советских инженеров первого поколения заключается в том, что на его основе могут быть выстроены учебные курсы по отечественной истории XX века. Результаты исследования могут быть использованы в подготовке музейных экспозиций и выставочных комплексов, посвященных советскому прошлому. Выводы и обобщения могут быть полезны для работников образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, готовящих кадры для современной отечественной индустрии.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования были представлены на VIII и IX международных научных конференциях «История сталинизма» (Екатеринбург, 2015; Санкт-Петербург, 2016), международной научной конференции «Социальная стратификация России XVI–XX вв. в контексте европейской истории» (Екатеринбург, 2016), всероссийском исследовательском семинаре «Архивно-следственные дела как исторический источник» (Москва, 2016), а также нашли отражение в 10 публикациях, выполненных автором лично (общим объемом 13,3 п. л.), в т. ч. 5 статьях в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации включает: три главы, введение и заключение, список литературы, источников и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность работы, обозначается объект и предмет исследования, анализируется степень изученности темы, дается характеристика теоретической, методологической и эмпирической основ работы, формулируются цель и задачи исследования, его научная новизна и практическая значимость.

В первой главе «Конструирование жизненных миров советских инженеров эпохи индустриализации» подвергается анализу историческая форма концепции жизненного мира. Выясняются ее эвристические возможности применительно к конкретно-историческому исследованию формирования жизненных миров советских инженеров первого поколения.

В первом параграфе «Концепция жизненного мира в исторической реконструкции культуры советских инженеров: эвристические возможности» обоснована процедура адаптации социологической концепции жизненного мира к историко-генетическому, биографическому методам и методу уликовой парадигмы. Под жизненным миром в диссертации понимается историческая категория, характеризующая картину мира в коллективном сознании людей, принадлежавших одному социальному кругу и объединенных временем и местом. Концепция жизненного мира опирается на теорию повседневности. В советской повседневности обязательно присутствовали освоенные практики и ментальные формы, придававшие смысл этим практикам. В диссертации историческая концепция жизненного мира применяется для изучения особой социальной группы советских инженеров первого поколения. Структура жизненного мира советского инженера включает в себя образы завода, собственного «Я», отношение к деньгам и вещам. Предлагается гипотеза: их картина мира имела агрегатный характер. Она состояла из расходящихся друг с другом ценностей, аттракторов, жизненных ориентиров и нравственных представлений.

Во втором параграфе «Формирование социального круга советских инженеров первого поколения» анализируются жизненные пути советских инженеров, занятых на пермских оборонных заводах в 1930-е годы: их социальное происхождение (условия социализации), жизненный опыт в годы гражданской войны и во время обучения в высших учебных заведениях, а также в процессе исполнения производственных и социальных функций на социалистическом предприятии. Свое собственное место в новом социальном порядке советские инженеры первого поколения видели в двух плоскостях: идейной и бытовой – как героев и подвижников социалистической индустриализации, преданных советских работников и как людей, заслуживших право на экономические преимущества. Двойственность их самоидентификации определялась воздействием нескольких факторов: происхождением, условиями первичной социализации, жизненным опытом, приобретенным в годы революции, гражданской войны и в процессе получения специального технического образования, а также влиянием коммунистической пропаганды. Советские инженеры первого поколения овладели большевистской речью, при помощи которой интерпретировали существующую действительность в терминах классовой борьбы и социалистического строительства. Освоенные ими языковые практики формировали картину мира, общую для «сознательных советских граждан». В то же время у советских инженеров первого поколения формировалось представление о зажиточном и упорядоченном образе жизни, буржуазно-мещанском по своему происхождению.

В третьем параграфе «Презентация образов инженеров в советской литературе» подвергаются деконструкции литературные тексты советских писателей – современников советских инженеров первого поколения. Литература социалистического реализма была инструментом властной

коммунистической политики, нацеленной на формирование советской идентичности инженерно-технических работников. В диссертации анализируются произведения М. Шагинян, В. Катаева, И. Эренбурга, Я. Ильина. В них были предъявлены эталонные образцы для подражания или отрицания. В положительных образах советских инженеров подчеркивались черты сознательности, энтузиазма, альтруизма, преданности делу коммунистической партии. Их антиподы характеризовались мещанским отношением к жизни, консерватизмом, пессимистическими настроениями. Их представили аутсайдерами на «великой стройке социализма». Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что советские инженеры первого поколения читали эти книги, обсуждали поведение персонажей, тем самым испытывали влияние партийного художественного дискурса. Литература социалистического реализма формировала представление о высоком статусе инженерного труда в СССР.

Во второй главе «Жизненные траектории советских инженеров первого поколения (биографический аспект)» проанализированы три варианта социального восхождения советских инженеров первого поколения: С.П. Мартыненко, Б.А. Бергера, А.Г. Баранова. Все они родились на рубеже XIX–XX веков. С.П. Мартыненко – выходец из рабочей среды. Б.А. Бергер – из черты оседлости. А.Г. Баранов происходил из «среднего класса». В результате анализа материалов судебно-следственного производства и делопроизводственной документации партийных органов выбраны три типичные биографии.

В первом параграфе «Казус С.П. Мартыненко» произведена реконструкция социальной карьеры рабочего-металлиста, ставшего крупным администратором на заводе № 19. Особый интерес вызывает использованный им способ интерпретации автобиографии в учетных партийных документах. Жизненный мир С.П. Мартыненко формировался в различных исторических обстоятельствах и в нескольких социальных кругах: рабочей среде, в обществе людей «среднего класса» в старой России, в окружении красногвардейцев, среди инженеров и партийных работников. В партийной характеристике 1923 года его квалифицировали «марксистом-практиком, умеющим ориентироваться в политической обстановке». Это означало умение С.П. Мартыненко быть своим в партийной среде. Он овладел большевистским языком, знал, что такое «критика и самокритика», «бдительность», «непримиримость к врагам партии» и пр. При этом С.П. Мартыненко оставался человеком, знающим толк в добротных вещах, умеющим создавать семейный быт. Он отличался от молодых инженеров возрастом, происхождением, опытом участия в социал-демократическом подполье, умеренностью во взглядах. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод об его неполной интеграции в мир советских инженеров первого поколения.

Во втором параграфе «Казус Б.А. Бергера» произведена реконструкция жизненного пути молодого человека, вышедшего из черты оседлости. На основании анализа архивных документов установлены две

согласующиеся друг с другом линии социального восхождения Б.А. Бергера: национально-культурная ассимиляция и социально-профессиональная инкультурация в советском инженерном корпусе. Эти процессы были заданы условиями социалистической реконструкции, с одной стороны, а с другой, сознательным выбором жизненной стратегии. Борис Бергер «обменял» традиционную еврейскую судьбу – стать ремесленником или торговцем (кооперативным, частным, государственным) на путь русского рабочего в советской стране. Уехать в промышленный город – точнее в рабочую слободу, получить рабочую профессию, жениться на местной жительнице, вступить в партию «рабочим от станка», получить путевку в технический вуз, окончить его и приступить к конструкторской работе. В условиях острой нехватки инженерного персонала молодой специалист смог выполнять сложнейшие обязанности – фактически выступать в роли генерального конструктора в возрасте 30 лет, при этом добиваться впечатляющих успехов и одновременно умножать число недоброжелателей. В итоге деловое соперничество в ситуации террора завершилось жизненной трагедией.

В третьем параграфе «Казус А.Г. Баранова» произведена реконструкция жизненного пути человека, вышедшего из буржуазной среды, обучавшегося инженерному делу в Цюрихе и вернувшегося в Россию в 1918 году. Арон Баранов еще до революции сделал сознательный выбор в пользу инженерной профессии. Он закончил гимназию в Женеве. С гимназическим аттестатом он имел право поступить в любой европейский университет. А.Г. Баранов поступил в Высшую техническую школу в Цюрихе. В 1918 году он вернулся в Советскую Россию. Главная черта, которая отличала А.Г. Баранова в любой жизненной ситуации – это развитое чувство собственного достоинства. Оно не позволяло ему приспособливаться к обстоятельствам, отказываться от своих убеждений и бездумно следовать конъюнктуре. Даже в трагической ситуации большого террора А.Г. Баранов оставался верным своим принципам: сохранять в любой ситуации личное достоинство, сомневаться в решении партийных органов низшего звена, поддерживать товарищеские отношения с людьми, подвергнутыми партийным репрессиям.

В третьей главе «Основные элементы жизненных миров советских инженеров первого поколения» произведен историко-генетический анализ содержания жизненных миров советских инженеров первого поколения. Социальный круг советских инженеров первого поколения был локализован на территории г. Пермь.

В первом параграфе «Завод в жизненных мирах советских инженеров» на основании анализа исторических источников был выявлен статус социалистического предприятия в картине мира советских инженеров. В Перми в 1930-е годы было четыре крупных оборонных завода, в том числе завод по производству авиамоторов № 19 им. Сталина и оружейный завод № 172 им. Молотова. Эти заводы относились к двум разным типам. Если завод № 172 был старым предприятием, то завод № 19, строительство которого началось в 1930 годы, был современным и технически оснащенным заводом с московскими специалистами, бывавшими в заграничных командировках.

Для советских инженеров завод был освоенным локусом в пространстве их жизненного мира. На заводе (в конструкторском бюро или в цехах) они много работали, реализуя себя как профессионалы инженерного дела. В жизненных мирах советских инженеров первого поколения труд был ценностью. Поэтому неудивительно, что они оставались на заводе на несколько суток или приезжали в цех по первому вызову, даже в ночное время. Если завод для советских инженеров – это место, где конструировался их профессиональный и социальный статусы, то вполне объяснимо, почему они дорожили своей работой и, можно сказать, держались за завод, проводя на нем большую часть своего времени. Уход с предприятия это – всегда вынужденная мера, это увольнение, при этом не по собственному желанию. Увольнение из предприятия союзного значения грозило для специалиста, тем более молодого, утрату политического или профессионального доверия. Это наносило ущерб репутации, ставило под сомнение его пригодность как советского инженера. Прикрепление советских инженеров первого поколения к заводу гарантировало не только высокий статус в ранжированном советском обществе, где инженер, это не просто технический специалист, это всегда инженер на заводе, но и их обеспеченность определенными материальными благами.

Таким образом, завод представлял для советских инженеров первого поколения освоенный космос: понятный, требовательный, незаменимый. В нем можно обнаружить локус повседневности, за границами которого был внешний мир, менее благоустроенный, в чем-то опасный, существующий по своим законам. В этот локус повседневности входили не только собственно заводская территория, но и другие места, созданные заводом и к нему административно относящиеся: поселок, дачи, магазины ОРС, клубы, даже особняк директора.

Во втором параграфе «Деньги и вещи в жизненных мирах советских инженеров» выявляется статус материального достатка в картине мира советских инженеров первого поколения.

В результате исследования выявлены критерии ранжирования вещей в жизненном мире советского инженера. Первым критерием является степень представительности того или иного предмета как социального маркера в публичной сфере. Вторым критерий – добротность вещи, ее качество и производитель. В иерархии вещей самым дорогим и статусным был автомобиль, полученный в качестве премии от наркома тяжелой промышленности, реже приобретаемый с согласия наркомата на собственные деньги. Когда инженеры приезжали на личном автомобиле на завод, они оставляли его на площадке перед заводоуправлением, где он был замечен всем. Инженеры фотографировались рядом с машинами. Кроме автомобиля, функцию публичной презентации исполнял костюм. В описях вещей обнаруживаются костюмы-тройки, костюмы из бостона (добротой шерстяной ткани). Хорошо одетый инженер выделялся из среды рабочих, служащих и даже среди партийных работников среднего звена.

В мире вещей советских инженеров были предметы, которые обычно презентовались тем, кто принадлежал к их социальному кругу, но уже в приватном пространстве – в квартире, в комнате в общежитии или на даче: фортепиано, патефоны, радиолы и фотоаппараты иностранного или отечественного производства. Обнаруженные в описях вещей ружья с патронами свидетельствуют о такой досуговой практике инженеров, как охота. Заработная плата, как и вещи, имела значение социального маркера. Премии и доплаты ценились как признание производственных заслуг.

В Заключении подведены основные итоги исследования.

Историко-генетический и биографический методы изучения исторических источников позволили установить, что жизненные миры инженеров оборонных заводов были наполнены социалистическим содержанием: ценностью индустриализации, преданностью советской власти и готовностью соблюдать предписанные ею нормы публичного поведения.

Будучи выходцами из разных социальных групп, инженеры оборонных предприятий освоили большевистскую идеологию под влиянием революции и гражданской войны. Все они были в той или иной мере ее участниками: бойцами и командирами Красной армии. Идеологическое образование они получили в советских технических вузах как партийцы и комсомольцы. На формирование жизненного мира советского инженера первого поколения оказали заметное влияние литературные образы инженеров, созданные методом социалистического реализма. Жизненные миры советских инженеров представляли собой сложное, многосоставное образование, в котором отдельные компоненты были рассогласованы друг с другом. Скрепляющим элементом их жизненного мира являлась усвоенные ими: общепризнанные символы и жесты преданности партии, политический словарь, а также готовность подчинять личные интересы задачам социалистической индустриализации. Под общей идеологической оболочкой сохранялись не артикулированные ценности, бытовые нормы и образы, сохранившиеся из дореволюционного времени.

Таким образом, жизненные миры советских инженеров носили гибридный агрегированный характер. Анализ исторических источников позволил установить определяющий статус завода в жизненном мире советских инженеров первого поколения. Завод был для них самым важным местом самоидентификации. Завод был центром жизненных миров советских инженеров первого поколения.

Тема денег не была полностью исключена из их публичного дискурса. Она была связана с осознанием важности собственного положения на предприятии. Статус ценного работника означал получение соответствующего вознаграждения в виде повышенного оклада или премии. Одним из социальных маркеров общественного положения советского инженера служили личные вещи, обладавшие символическим смыслом.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК):

1. Мир вещей советского инженера в 1930-е гг. (по материалам пермских архивов) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. № 1(28). С. 220–227 (0,5 п. л.).
2. Жизненный мир советских инженеров 1930-х гг. в зеркале архивно-следственных дел: источниковедческий анализ // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 115–127 (0,5 п. л.).
3. «Не склочник и не группировщик. Хороший организатор». Казус С.П. Мартыненко // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2017. № 4 (39). С. 92–100 (0,5 п. л.).
4. Социальная генеалогия первого поколения советских инженеров 1930-х гг.: формирование повседневности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4 (42). С. 37–45 (0,5 п. л.).
5. Завод в жизненном мире советских инженеров // Вестник Вятского государственного университета. Исторические науки и археология. 2017. № 12. С. 51–61 (0,5 п. л.).

Монография:

1. Колчанова Ю.С. «Не личная выгода меня держала здесь...». Жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2017. 152 с (8,8 п. л.).

Статьи в журналах, сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Социалистический город как производственное и повседневное пространство в советском обществе // «Диалоги об искусстве»: мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием. Ч. 1 / отв. ред. А.А. Лисенкова. Пермь: Перм. гос. акад. искусства и культуры, 2014. С. 219–226 (0,5 п. л.).
2. Советская повседневность и жизненный мир советского инженера // Город как вызов: сб. стат. межд. науч. конф. / под общ. ред. О.В. Игнатевой. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2014. С. 140–144 (0,5 п. л.).
3. «Инженерова дочь»: жизненный мир советского разнорабочего в письмах во власть. 1961–1994 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: мат-лы VIII межд. науч. конф. из цикла «История сталинизма». М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2016. С. 570–578 (0,5 п. л.).
4. Конструирование советской технической интеллигенции в 1930-е гг.: дискурсы и практики // Культура и власть в СССР. 1920-е – 1950-е гг.: мат-лы IX межд. науч. конф. из цикла «История сталинизма». М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина. С. 263–271 (0,5 п. л.).